

И чувство глубокой благодарности

Настоящих одесситов обычно узнают по особому загару — брыззового цвета. Они всегда знают, что море рядом, никуда не денется, и откладывают походы на пляж до лучших времен. А эти времена, как известно, долго заставляют себя ждать. Но иногда в нашей жизни выпадали счастливые недели благодаря всемогущему профсоюзу, и мы отправлялись в Затоку — дачный поселок, расположенный возле Одессы на всемирно известном солнечном Каролино-Бугазе. Большое количество пансионатов разместились на великолепных белых песчаных морских пляжах, а напротив теплый лиман с живописными камышами и изобилием рыбы. Просто идеальное место для полного отдыха и расслабления, а также для приобретения настоящего бронзового загара! Впрочем, это не для моей слишком белой кожи, которая мгновенно получала на Бугазе свекольный оттенок, несмотря на обильное применение предохраняющих кремов. Через несколько дней она начинала бурно покидать обожженные места, что неминуемо приводило к новым ожогам, и я напоминала облупленную молодую картошку.

Учитывая этот печальный опыт, когда летом в середине 80-х годов удалось вырваться в Затоку, я взяла с собой студенческие дипломные проекты, чтобы совместить отдых с дополнительным заработком и поменьше находиться на солнце. Все складывалось удачно. Дома заканчивался долгосрочный ремонт, перед отъездом на Бугаз были покрашены полы. Два дипломных проекта, заказанных выпускниками одесского института народного хозяйства, предполагали ближайшую возможность рассчитаться с ремонтными долгами. И компания подобралась хорошая — сотрудницы нашего ВЦ — Надя и Света, обе программистки. Все мы — молодые разведенки, пристроившие своих детей в летние лагеря. Правда, пансионат нам достался, мягко говоря, не высокого уровня, ну, да мы и не претендовали на что-то особенное. Приняли коллективное решение поселиться не в деревянном домике, который днем превращался в духовой шкаф без всякой регулировки, а в небольшом белом каменном корпусе с балконами-верандами. Этот корпус официально уже давно числился в ремонте, так как был в аварийном состоянии. Но, судя по всему, до ремонта ему еще нужно было разваливаться и заваливаться. Жить в нем более прохладно, с балкона можно круглосуточно любоваться морем, соседей почти не наблюдалось. Времена стояли голодноватые, поэтому посещение столовой приносило скудные радости. В местном магазинчике иногда удавалось ку-

пить что-то съедобное, и фруктами со станционного рыночка мы регулярно подкреплялись.

Каждое утро начиналось со встречи восхода солнца из-за морского горизонта. И это чудо можно было видеть просто с балкона. Море не повторялось и не приедалось, бесконечно меняя свой цвет и настроение. Его потрясающий запах пропитывал все, окна комнаты были открыты всем ветрам, а шум прибоя гармонично вошел в нашу жизнь. Длительное плавание в невероятно чистой и прозрачной морской воде, напитанность свежим воздухом и отрешенность от городской пыльной суетной жизни — это то, что нам было необходимо. Малолюдность нашего пляжа позволяла такую роскошь, как ночные купания нагишом — непередаваемое наслаждение, сопровождающееся свечением на теле морских микроорганизмов. В такие моменты кажется, что помнишь себя в эмбриональном состоянии жизни на земле.

На третий день райского блаженства в соседнюю комнату поселилась высокая стройная блондинка по имени Ляля, и наша тихая жизнь круто изменилась. Она объявила, что цель ее пребывания в Затоке — это месть блудливому мужу, кандидату наук, который отъехал в очередную сомнительную командировку. Мстить Ляля начала сразу же и занималась этим непрерывно. Где бы она не появлялась, через несколько минут откуда-то непостижимым образом возникали активные мужчины. О спокойном отдыхе с чтением романов и разгадыванием кроссвордов можно было позабыть. Естественно, мы также были вовлечены в эти бесконечные сюжеты и эпизоды "жесточкой" мести. Громкий зазывный русалочий смех Ляли то подавал надежды страждущим поклонникам, то звучал издевкой для несчастных отверженных. В один и тот же день мы имели возможность наблюдать и принимать участие в нескольких спектаклях, сюжеты которых развивались стремительно и всегда трагически для соискателей настоящей любви. Пока однажды ранним утром не возник возле нашей обители молодой бронзовый мужчина с идеальной голливудской фигурой и обаятельным лицом Бельмондо, да ко всему этому еще и в белых батистовых плавках! Первые несколько минут после его появления мы не могли нормально выдохнуть из-за всей этой лепоты, но он дал нам немного времени для нормализации дыхания. Даже Ляля была не в состоянии выдать из себя что-либо подходящее.

Выдержав эффектную паузу, наш герой широко улыбнулся, как водится, показав голливудские же белоснежные зубы, и сказал: "Привет, девчонки! Я Коля з Днепропетровска. Ну шо, побегли купаться на речку?". Ну, куда ж было от него, такого пленительного, деваться?! Разумеется, мы тут же

за ним и "побегли на речку", то есть переместились от своего корпуса на самый берег ласкового в этот день моря. Коля развлекал нас несколько дней и всю пользовался Лялькиной слабостью к Бельмондо — был, что называется, в полном фаворе. Совершенно невероятное сочетание отпадных внешних данных и детской доброты, наивности и провинциальности делало общение с ним неповторимым. Он поведал, что работает тренером по бодибилдингу, недавно разошелся с женой и увлекся кройкой и шитьем. Вот, например, эти уникальные белые плавки были им собственноручно выкроены и сшиты из двойного слоя батиста. Мы верили и балдели дополнительно от плавков тоже. На вопрос о том, почему он упорно называет море речкой, был получен исчерпывающий ответ: "Я ж живу подле речки, пока переучуся на море — опять обратно надо будет!". Коля пытался наладить с нами тренировки по гимнастике, гонял километры вдоль пляжа, организовывал велосипедные заезды по прибрежному шоссе. Все было бы ничего, если бы не хохот, который вызывали у нас его команды типа "Руки взад", комментарии по поводу неправильного выполнения упражнений и недостаточного темпа бега "в трусцах". На Лялю он смотрел преданным собачьим взглядом, но не как на хозяйку, а как на вождельный кусок мяса. К нашему удивлению, привычного громкого смеха не было слышно, подруга повелась на красоту и, по ее выражению, в постели повиновалась ему со страстью, "как лялечка", — только умоляла не произносить ни слова. Комментарии ее были загадочными: "Девочки, как умеют любить бодибилдингисты — это что-то!". Отвергнутые ухажеры выдерживали разумную дистанцию и выжидали. Для нас Коля стал еще одной подружкой, мы даже позволяли ему принимать участие в своих ночных нагих фосфоресцирующих заплывах. Но этой идиллии очень скоро пришел весьма оригинальный конец.

Однажды утром на балконе я предпринимала героические усилия по параллельному написанию нескольких разделов дипломных проектов. Естественно, что при такой интенсивной светской жизни трудно было выкраивать время для всяческой рутины. Море в тот день было очень бурным, войти в воду могли только тренированные энтузиасты. Мне показалось, что за большим камнем мелькнула знакомая фигура в белых плавках, очевидно, Коля вступил в единоборство с волнами. Надя и Света не жились на утреннем солнышке на песке. Очень хотелось к ним присоединиться, но времени на дипломы оставалось все меньше. Нужно было съездить в Одессу, проведать дочь, покрасить полы по второму разу и отдать дипломникам хотя бы какие-то части работы для осмысления и переписки. Чтобы почерпнуть дополнительные силы, я выполняла упражнения

по набору энергии, пристально глядя в морскую даль и делая глубокие вдохи. Этого хватало на несколько минут для погружения в работу, после чего взгляд автоматически снова переводился с листа на бушующее море.

Вдруг я увидела в воде недалеко от берега какой-то очень странный предмет. Вначале вообще было невозможно понять, что это болтается на гребнях высоких волн. Истина открылась внезапно и была безнадежно однозначной. С балкона открывался вид на голую белую человеческую попу, которая иногда ныряла, а затем снова продолжала свой удивительный бурный танец на волнах. Конечно же, я подняла страшный крик, решив, что к нам прибило утопленника. Девочки вскочили, увидели этот уникальный пейзаж и активно поддержали мои вопли. Начал собираться народ и высказывать всяческие предположения. Из своей кельи выскочила заспанная Ляля и, увидев загадочный зад, мгновенно произвела опознание объекта и закричала: "Это же Коля, уйдите все отсюда немедленно!". И действительно, из воды появилась расстроенная голова мачо и донесся его голос: "Плавки в речку унесло! Ныряю, ныряю, но ничё не видать". Тут все начали хохотать, да так, что просто валились с ног. Напрасно сконфуженная Ляля умоляла отойти подальше и дать герою достойно доплыть до спасительного полотенца. Да он и не собирался делать это, а продолжал без устали нырять, совершенно не смущаясь произведенным эффектом. Бешеные волны не позволяли нырять глубоко, так что попой можно было любоваться сколько угодно, чем все с радостью и развлекались. Тогда поле позора покинула сама героиня, предварительно попросив нас передать, что эту задницу она больше не желает никогда видеть в лицо. И слово свое она сдержала. Тем более что в этот вечер к нам на огонек зашел молодой моряк в тельняшечке, да еще и с бидоном вина. Это было очень кстати, потому что погода выдалась довольно холодная и ветреная. Вечер проходил грустно, и нас вдруг потянуло на громкое пение. Мы сидели на балконе, натянув на себя всю теплую одежду и сверху еще одеяла, и выводили бес- смертного Окуджаву:

Кто же ты есть, как тебя звать, где ты скрываешься?

Сколько уж лет только молчишь, лишь улыбаешься.

Только в толпе белой рукой чуть шевелишь,

Словно забыть старый причал мне не велишь.

Из кромешной темноты донесся ответ на призыв: "Я военный моряк из Северодвинска, зовут Витя, опоздал на последнюю электричку. Можно зайти попеть с вами?". Но петь Витя не очень любил, зато анекдоты рассказывал отлично. К нашему стыду, угощать гостя было практически не-

чем. Несколько кусков хлеба, тайком унесенного из столовой, и плитка заветного шоколада, который мне пришлось пожертвовать для такого случая. Вообще-то, шоколад я хранила для того неотвратимого периода, когда нужно будет писать особый раздел диплома, называемый "Расчет экономической эффективности". Поскольку никакой эффективности решений на ЭВМ задач народного хозяйства в те времена взять было практически неоткуда, то я высасывала ее, условно говоря, при помощи шоколада — он вдохновлял на поиски очередной завиральной идеи.

Вино полусухое и очень приятное закусывали крошечными бутербродиками из хлеба с шоколадом и развлекались почти до утра анекдотами и всякими смешными историями. В соответствии с песней "Начнет выпрашивать матрос в тельняшечке про мое прошлое и настоящее" — мы с наслаждением ввали с три короба и хохотали над своими свежепридуманными биографиями зубных врачей, проктологов, проституток и милиционерш. Реакции у Вити были замечательные, чувство юмора — отменное. Но через некоторое время Ляля уже сидела у него на коленях, и очередной романчик пустился вскачь на наших глазах. Времени до рассвета оставалось немного — им нужно было торопиться. К утру совсем проголодались и замерзли. Ляля уводила моряка к себе греться, и мы, прощаясь навсегда, выразили ему благодарность за такую необычную совместную ночь. Напоследок Витя рассказал анекдот, окончание которого стало с тех пор часто употребляемо в нашей жизни. Глядя на нас, дрожащих от холода, закутанных в одеяла, он сказал, что мы напоминаем чукчей, у которых до революции было два чувства — голода и холода, а после революции к этим двум неизменным чувствам прибавилось еще и чувство глубокой благодарности.

На следующий день мы услышали от Ляли заветные слова: "Девочки, как умеют любить военные моряки — это что-то!". И она пустила слезу восторга и сожаления.

После возвращения в Затоку из Одессы мне пришлось всерьез засесть за дипломные проекты — время поджимало не на шутку. Работа шла без энтузиазма, часто приходилось прибегать к энергетической подпитке от морского простора. В такие моменты иногда удается сделать то, что рекомендуют хорошие психологи, — зафиксировать ощущения радости бытия. Но при этом почему-то возникало странное чувство, как будто за мной кто-то наблюдает, причем с довольно большого расстояния.

А тем временем пляжная жизнь кипела, Ляля не теряла уплывающего времени мести. Мужики хороводились, горели и бурлили. И как-то незаметно появился армянин по имени Вартан с черными бархатными глаза-

ми, взгляд которых говорил больше, чем их хозяин. В основном, он молча сидел и внимательно наблюдал за происходящим на пляже. По-русски разговаривал с трудом, и акцент звучал очень мощный. Особенно смешила нас в его речи перестановка мужского и женского родов. Ляле он сказал: "Ты не похож на армяна", — на что получил достойную отповедь: "Этого мне еще не хватало!". Ответом послужил красноречивый испепеляющий взгляд, после которого никто из нас больше не рисковал поправлять армянскую специфику русского языка.

Возбужденная Ляля предложила нам поехать с Вартаном на его машине в Белгород-Днестровск на экскурсию в знаменитую древнюю крепость. Экскурсия закончилась обедом в ресторане, причем армянин платил за всех, и наши слабые попытки вернуть ему деньги воспринимались как жуткое личное оскорбление. Мы уже посматривали на Лялю как на героиню, от которой "поимели конкретную пользу". Но события развивались более чем странно. Вартан объявил, что завтра он опять приглашает всех нас уже в Ильичевск, а Лялю даже не обнадежил насчет ночи. После очередного обеда в ресторане чувство нашей глубокой благодарности начало уже зашкаливать. А Ляля опять не добилась успеха на армянском поприще. Наша троица динамисток призадумалась — кому-то необходимо будет расплатиться...

Вечером мы все были приглашены в его индивидуальный коттедж и получили урок неведомой здесь раньше курортной роскоши. Номер был обставлен приличной мебелью, работал цветной телевизор, пол накрыт ковром, холодильник заполнен армянскими деликатесами. Ко всему этому мы долго слушали армянскую музыку — Вартан привез с собой довольно массивный кассетный магнитофон! Вел себя хозяин по отношению к нам совершенно бесстрастно, невозможно было догадаться о его предпочтениях. Мы пили шикарный армянский коньяк, закусывали острой красной пастромой и переполнялись пресловутой глубокой благодарностью, рассчитывая все же на упорную Лялю. Между собой решили больше не позволять ему тратить на нас такие огромные деньги и ни в какие рестораны не ездить. Однако, провожая нас, он объявил о том, что завтра приглашает в ближайший прибрежный бар у старого причала на свой день рождения. Как было отказать такому галантному восточному человеку?! Тем более что Надя вдруг вспомнила, что армяне — вообще необыкновенно щедрый и практически бескорыстный народ. У нее уже были в жизни случаи, позволившие в этом убедиться. Но что-то подсказывало нам со Светой — это совсем не тот случай.

Когда подходили к нашему корпусу, мне показалось, что от него в темноте отделились две фигуры милиционеров в форме и сапогах. Впрочем, ничего особо странного в этом не было — милиция периодически проводила проверку документов отдыхающих в пансионатах. Окна нашей комнаты и балконная дверь оказались распахнуты, хотя обычно мы закрывали их, если уходили далеко. Ветер славно порезвился, и пришлось мне собирать с пола листки несчастных заброшенных дипломных проектов. Весь следующий день я наверстывала упущенное, позволяя себе прерывать работу над дипломами только на столовую и морские купания. Вартан не появлялся, на пляже шла обычная расслабленная жизнь.

К десяти вечера мы почувствовали себя страшно утомленными от ожидания обещанного дня рождения. Приготовленное подарочное сомбреро сиротливо лежало на тумбочке. Мы улеглись на кровати и начали уже подремывать, с ночного пляжа доносился воскресший смех неугомонной Ляли. И вдруг услышали знакомый глуховатый фальцет: "Добрый вечер! Армянское радио спрашивает: "Куда мы все идем?". Отвечаем: "Все идем в бар к причалу — там уже стол накрыт — не опаздываем к началу". Какое-то недоброе предчувствие начало проклевываться во мне, но делать было нечего — мы быстро собрались, надели сомбреро на многообещающую голову Ляли и побрели туда, куда велело нам армянское радио. А там оказалось многолюдно и весело, бушевала дискотека. Но в 11 часов бар внезапно закрылся к возмущению завсегдатаев, и осталась только наша компания. Вартан выглядел торжественно, но как-то мрачновато. Ужин был роскошный, звучала тихая медленная музыка. Грустный притихший бармен сидел с нами за столом. Вартан вынул небольшую фотографию, показал всем и сказал: "Это жена. Правда, он похож?". И показал на меня! Затем пригласил танцевать. И больше не отпускал. Девочкам гостеприимно сказал: "Отдыхайте здесь сколько хотите — все оплачено". При этом бармен подтверждая кивнул головой. Вартан продолжал молча танцевать, но никакой особой тоски по жене в моем образе в нем совершенно не ощущалось.

Подруги не очень быстро оправались от шока, так как выбор был абсолютно неожиданный для всех, а уж более всего для меня. Они еще посидели и затем с радостью удалились на долгожданный покой. Я чувствовала себя моассановской Пышкой и совершенно не была готова к такому повороту событий. Пыталась рассказать Вартану историю своей большой любви и непоколебимой верности, но он только повторял невнятным шепотом то, что все мужчины говорят в подобных ситуациях: "Не бойся, все будет хорошо, мне нужно тебя только узнать", — что меня напугало еще

больше. Когда я отказалась зайти к нему в коттедж, он поклялся женой и детьми (их, по его словам, было трое), что ему только нужно со мной о чем-то поговорить. Что-то подсказывало мне — угроза не половая, а совершенно другая.

Первый вопрос сразил меня, так как ответить на него любой женщине нелегко: умею ли я хранить секреты? Я чистосердечно задумалась. Смотря чьи секреты. Свои — точно не умею, чужие — с трудом, и то какое-то время, а государственные приходится хранить — имеется допуск на ВЦ к секретной информации. Он был удовлетворен моим ответом, особенно его последней частью. И как ни странно, я почувствовала, что его напряжение ослабло, как будто наличие секретного допуска сделало меня ему ближе и понятней. Второй вопрос был полегче первого, но удивил меня до крайности: что я все время записываю, глядя на море, сидя на балконе? Кого вообще постоянно высматриваю в морском просторе? Теперь до меня начало кое-что доходить. И я стала смеяться. Хохот нарастал до истерики. Помогла приличная доза коньяка. Очень кратко я объяснила товарищу при исполнении такой сложной и ответственной миссии глубокий смысл своей писанины и упражнений по набору энергии свободной стихии. Накопленная усталость изменила его расслабленное лицо почти до неузнаваемости. Я почувствовала, что Вартан уже был каким-то образом подготовлен к моим объяснениям и верил мне абсолютно. Он сообщил, что прислан на побережье Черного моря по особому заданию, ведет некий секретный поиск. Само собой разумеется, я должна была хранить в глубокой тайне все, что было, а особенно чего не было этой ночью. Мне было предложено в целях разумной конспирации дожидаться рассвета на диване в его коттедже. Когда из спальни донесся храп хозяина, я включила лампу и собралась найти что-нибудь почитать — сон явно не входил в программу этой удивительной ночи. Ни книг, ни газет я не обнаружила, зато нашла бинокль и пистолет в кобуре, спрятанные под диванной подушкой. Теперь стало окончательно ясно, что ощущения наблюдения, ведущегося за мной издалека, были далеко не беспочвенны.

Утром я пережила еще одну сцену — нужно было посмотреть в глаза Ляле и отчитаться. Я отделалась по ее же методу: "Как умеют любить армяне — это что-то!". В этот момент припомнился пистолет под подушкой, и меня снова пронзило острое ощущение радости жизни! Мне пришлось провести на этом диване еще две последние ночи перед возвращением в Одессу. Необходимо было поддерживать легенду нашей вспыхнувшей страсти. Свет должен был гореть, а Вартан почти все время отсутствовал —

наверняка напал-таки на шпионский след на Бугазе. Перед расставанием он подарил мне букет желтых роз (думаю, что опять же больше из конспиративных соображений) и бархатный благодарный взгляд — от себя лично. Любопытство просто раздирало меня на части. Я позволила себе вопрос, на который, как считала, имела некоторое право: "Вы уже задержали, кого искали?". На что получила загадочный ответ: "Пока нет, но он уже нам точно виден". Безумно хотелось уточнить хотя бы пол этой подозрительной личности, в роли которой совсем недавно пришлось побывать самой. Но запретным сигналом послужил контрольный взгляд Вартана внутрь себя и его сердито сдвинутые брови.

В Одессе меня ждал очень неприятный сюрприз. На свежевыкрашенном полу кое-где проступали следы сапог! Милиционеры явно обыскивали дом при свете фонариков. Очевидно, ключи от квартиры были временно изъяты из моей сумки во время ночных милицейских дозоров. Пришлось шпаклевать и заново перекрашивать полы. Но чего не простишь преданным служащим, обеспечивающим безопасность и спокойствие морских границ?! Откуда им было знать, что мне пришлось пользоваться дешевой долгосохнущей краской? Все же не удалось-таки избежать половых проблем! Но самое обидное, что нельзя было ни с кем поделиться — эти секреты требовали полного молчания. А так славно было бы громко поражаться удивительным методам сотрудничества государственных органов! Из далекой Армении послали так здорово экипированного "спеца" в такую тяжелую командировку в особо опасную курортную зону!

Теперь, по прошествии стольких лет, все это кажется просто невероятным. Но через некоторое время мы узнали о еще более удивительном событии — Ляля бросила своего неверного мужа, переехала к Вите в Северодвинск и родила ему сына. Вспоминая эту забавную историю, нашу молодость и беспечное веселье, снова и снова убеждаюсь, что никто не скажет лучше Окуджавы:

Год пролетел, месяц прошел, время растаяло.

Значит, и мной на берегу что-то оставлено.

Только мелькнет море вдали — сердце болит,

Словно забыть старый причал мне не велит.

Бат-Ям, Израиль

